

БУДУЩЕЕ ГДЕ ОНО НАЧИНАЕТСЯ?

ВРЕМЯ,
СОЗНАНИЕ
И РОЖДЕНИЕ
ВОЗМОЖНОГО

ВАСИЛЬ ПИКСЕЛЬ

Василь Пиксель

Будущее. Где оно начинается?

«Автор»

2026

Пиксель В.

Будущее. Где оно начинается? / В. Пиксель — «Автор», 2026

Где начинается будущее? В завтрашнем дне, который ещё не наступил? В решении, принятом сегодня? Или в сознании человека, способного представить то, чего пока не существует? Василь Пиксель приглашает исследовать одну из самых загадочных сторон человеческого существования - отношения между временем, сознанием и реальностью. Что отличает возможность от события? Существует ли будущее независимо от наблюдателя? Почему мы помним прошлое, но не будущее? Может ли мысль о завтрашнем дне изменить то, что действительно произойдёт? Соединяя философские размышления с научными представлениями о времени, памяти, вероятности и природе наблюдения, автор постепенно приходит к главному вопросу: не начинается ли наше будущее уже сейчас - там, где представление превращается в поступок? Это книга не о предсказании судьбы. Это исследование того, как человек живёт среди возможного и участвует в рождении ещё неизвестного.

© Пиксель В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. На завтрашней странице	5
ЧАСТЬ I. ЧЕГО ЕЩЁ НЕ ПРОИЗОШЛО	7
Первое движение. То, чего ещё не произошло	7
Второе движение. Репетиция ненаступившего	10
Третье движение. Человек, который выбирает	12
Четвёртое движение. Возможность, которой не было видно	16
ЧАСТЬ II. ВРЕМЯ, КОТОРОЕ НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ОДНОМУ	21
Пятое движение. Тот, кому достанется завтра	21
Шестое движение. Обещание с открытым концом	25
Седьмое движение. Время другого человека	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Василь Пиксель

Будущее. Где оно начинается?

Пролог. На завтрашней странице

Завтрашняя дата уже стоит на календаре. Возле неё записаны слова: встреча, дорога, звонок. Можно взять лист в руки, поставить точку напротив часа, перенести одно дело на другой день. У будущего уже есть место в расписании, но сам день ещё не прожит. Между записью и событием лежит различие, которое мы почти перестали замечать.

Вечером я могу устать от завтрашней работы, ещё не приступив к ней. Могу испытывать радость перед встречей, которой не было; тревожиться о разговоре, в котором никто пока не произнёс ни слова. Такое будущее явно присутствует в моей нынешней жизни — как ожидание, как образ, как повод действовать. Но присутствовать в переживании и уже произойти во внешнем мире не одно и то же. Не всякое внутреннее «завтра» становится завтрашним событием.

От этой разницы зависит больше, чем кажется. Человек может изменить маршрут, подготовить материалы, отложить поездку, написать письмо. Всё это он делает сегодня — под влиянием мысли о том, чего ещё нет в форме совершившегося события. Причина сегодняшнего поступка не обязана прибыть к нам из будущего. Достаточно того, что в настоящем возникло представление о будущем и стало причиной действия. Здесь уже есть настоящая загадка: как одно время входит в жизнь другого через память, ожидание и поступок, не нарушая физического порядка?

Меня интересует не сверхъестественное управление реальностью, а это обыкновенное, почти незаметное пересечение. Ради человека, которого ещё не встретили, строят дом. Ради книги, которой ещё нет, освобождают место на столе. Ради разговора, который может и не состояться, ищут слова. Реальны ли эти ещё не случившиеся события? Не в том же смысле, в каком реален кирпич или произнесённая фраза. Но связанные с ними нынешние поступки вполне реальны. Будущее ещё не стало фактом — и уже изменило настоящее.

Мы называем подобные отношения планами, надеждой, предчувствием, страхом, расчётом. Чаще всего этого достаточно. Но когда я начинаю думать о самом времени, привычные слова мешают: надежда подменяет вероятность, возможность — обещание, образ — свидетельство. Я способен представить несуществующее. Способен ждать того, что никогда не произойдёт. Могу и не заметить возможность, которая станет определяющей спустя годы. Значит, человеку необходимо различать собственный образ завтрашнего дня и условия, при которых завтрашний день становится таким, каким он окажется.

Я давно замечаю, как охотно мы определяем жизнь уже готовыми словами. Успешная. Неудачная. Счастливая. Несложившаяся. Слово как будто ставит печать, закрывает страницу, превращает движение в результат. Но то, что называют жизнью, не лежит на столе целиком. Оно не похоже на книгу, у которой уже можно прочесть последнюю страницу, если только отыскать правильное место. Человек существует внутри происходящего, в котором часть обстоятельств ему досталась, часть создаётся его действиями, а огромная часть не подчиняется одному его желанию.

Раньше этот вопрос привёл меня к воде. Не к желанию разобрать людей на реки, озёра и болота, а к наблюдению за направлением: что делает повторяющееся движение, как рельеф позволяет одному руслу возникнуть и мешает другому, почему остановка иногда необходима, а иногда превращается в незаметную привычку. Но стоило задать вопрос о направлении, как за ним обнаружился другой, ещё более трудный. Мы говорим: человек изменил траекторию.

Хорошо. Но где находилась эта траектория до того, как он её изменил? Была ли она среди готовых дорог, из которых оставалось выбрать? Или дорога появилась в процессе движения?

Ответ «все дороги давно существуют» очень привлекателен. Он освобождает от страшной неопределённости. Достаточно отыскать нужный путь, будто он уже отмечен на карте; достаточно настроиться, увидеть знак, услышать подсказку, которую не слышали другие. Такой ответ обещает особую власть над завтрашним днём. Но чем внимательнее к нему присматриваешься, тем больше вопросов остаётся. Если вариантов бесконечно много, почему один должен быть моим? Что делает его доступным? Достаточно ли представить жизнь, чтобы она стала возможной именно для меня? И почему чужая воля, болезнь, погода, устройство общества или простая случайность должны повиноваться моему вниманию?

Противоположный ответ не менее удобен: всё уже причинно связано, а значит, выбирать нечего. В нём исчезает соблазн магического контроля, но вместе с ним легко исчезает и сам человек - его сомнения, попытки, ответственность, способность учиться. От того, что поступок имеет причины, он не превращается в действие без автора. Сложность начинается там, где слово «автор» перестаёт означать хозяина всего происходящего.

Я не хочу выбирать одно из двух объяснений только потому, что они красиво противопоставлены. Этот приём знаком мне по другим вопросам. Свет или тьма. Свобода или близость. Счастье или гармония. Движение или покой. Два имени помогают различить края, но не обязаны содержать всё пространство между ними. Иногда истина лежит не в компромиссе, где каждому полюсу отдана половина, а в новой форме вопроса. Нужно не выбрать сторону, а заметить, какую часть жизни обе стороны оставили без описания.

Возможно, с будущим происходит нечто подобное. Оно не обязано быть ни складом уже готовых событий, ни пластилином, из которого отдельный человек может вылепить всё что угодно. Между этими образами существует область условий, незавершённости, неизвестности, возможностей и последствий. Мы ещё плохо различаем её язык. Мы то зовём её судьбой, то удачей, то свободой, то закономерностью. Иногда одним словом оправдываем то, что произошло, другим - обвиняем себя в том, чего не смогли изменить.

Эта книга не обещает открыть тайный проход между вариантами судьбы. Меня занимает более упрямый вопрос: что именно связывает переживание времени с миром, который не спрашивает нашего разрешения, прежде чем измениться? Если сознание не создаёт каждое событие, это ещё не делает его бесполезным свидетелем. Оно удерживает незавершённое, строит ожидания, замечает возможности, иногда ошибается и всё-таки участвует в причинной истории происходящего. Но участие нужно будет показать, а не объявить: где оно действует, за счёт чего и на каких условиях?

На завтрашнем листе можно записать всё, кроме самого завтрашнего опыта. Ни одна строчка не знает заранее, с каким настроением я прочитаю её утром, кто позвонит, что не получится и что изменится. Возможно, физик, философ и человек, который просто собирается на встречу, будут по-разному отвечать на вопрос о существовании будущего. Я не хочу принуждать их к одному ответу раньше, чем пойму, о чём говорит каждый. Пока они могут встретиться в одном: наши ожидания принадлежат настоящему и способны иметь последствия.

Я закрываю календарь. В нём всё ещё стоит завтрашняя дата; в моей голове всё ещё существует образ завтрашнего дня. Между ними уже произошло достаточно, чтобы сегодняшний вечер изменился. Но не произошло главного — самой завтрашней жизни.

Возможно, это и есть первая трудность, которую придётся выдержать на протяжении всей книги: не путать реальность ожидания с осуществлённостью ожидаемого.

Будущее пока не перед нами. Но отношение к нему уже входит в наши поступки.

ЧАСТЬ I. ЧЕГО ЕЩЁ НЕ ПРОИЗОШЛО

Первое движение. То, чего ещё не произошло

У обещания и у события есть одна неприятная общая черта: о них можно произнести почти одинаковую фразу. «Мы встретимся завтра». «Мы встретились вчера». Между ними всего одна перемена во времени глагола, но эта перемена отделяет мир, который ещё зависит от множества условий, от мира, в котором некоторое событие уже произошло. Язык легко проводит нас через границу, не показывая её толщины.

О будущем удобно говорить как о месте. Оно «впереди». Мы к нему «идём», «приближаемся», иногда «отстаём». Мы стараемся «догнать время» или оказаться «на шаг впереди». Сравнения настолько привычны, что превращаются в устройство мира. Кажется, впереди действительно есть коридор, за которым нас ожидают наши будущие жизни. Одни двери открыты, другие закрыты. Удачливые находят нужную, нерешительные остаются в коридоре.

Но коридор - полезный образ, пока не принять его за описание реальности. Физический путь можно пройти обратно, увидеть поворот, вернуться на развилку, взять с собой другого. С завтрашним днём так не получается. Мы можем пересмотреть план, но не можем войти в понедельник, проверить, каким он получился, и затем вернуться в воскресенье, чтобы поставить в календаре другую запись. Память тоже не является обратной дорогой. Мы воспроизводим не само прошлое, а представление о пережитом; оно может быть подробным, болезненно точным, но остаётся нынешним действием памяти.

Кажется, это противопоставление должно сделать будущее совершенно пустым. Если его нельзя посетить, зачем говорить, что оно существует? Однако любое описание настоящего окажется неполным, если оставить в нём только то, что мы непосредственно видим. В почве найдутся семена. В мастерской лежит чертёж. В музыкальном инструменте натянуты струны. Есть погода, обещания, долги, договорённости, незавершённые процессы. Ничто из этого не является уже состоявшимся завтрашним событием. Но ничто и не равно пустоте. Условия и возможности принадлежат настоящему, хотя последствия проявятся позже.

Семя не содержит взрослое дерево в виде крошечной готовой копии. Ему необходимы вода, температура, почва, множество обменов со средой. Часть условий может оказаться неподходящей, часть изменится. Из этого не следует, что будущее дерева хранится в каком-то невидимом архиве. Не следует и обратное: будто из семени может возникнуть абсолютно что угодно, если оно будет достаточно сильно «намерено» расти. Природа допускает различия, но не отменяет собственных условий ради нашей метафоры.

Подобная осторожность необходима и в разговоре о человеке. Образ возможной жизни ещё не делает её доступной. У желания есть история, у тела - пределы, у города - устройство, у другого человека - собственные решения. При этом невозможное вчера иногда становится возможным сегодня не из-за исправленной судьбы, а потому, что изменились знания, инструменты, отношения или обстоятельства. Появилась дорога, выучен язык, найден способ, заключено соглашение. Сама область практических возможностей не всегда сохраняет прежнюю форму.

Вот почему меня настораживает выражение «любой может стать кем угодно». Оно будто защищает свободу, но слишком легко превращается в обвинение. Если я могу всё, то любое несбывшееся завтра оказывается результатом недостаточного старания. Чужая помощь перестаёт учитываться, везение объявляется заслуженным, препятствия - оправданием слабых. Не признавая границ, такое обещание лишает человека права на реальность.

С другой стороны, слово «обстоятельства» тоже бывает удобным укрытием. Иногда человек действительно не мог иначе. Иногда мог, но не видел возможности. Иногда видел и боялся цены. Иногда цена была так велика, что отказ от перемены оказался разумным. Эти состояния нельзя честно объединить ни под словом «слабость», ни под словом «свобода». Разговор о будущем становится серьёзным только тогда, когда мы различаем возможность, доступность, готовность, решение и результат.

Мне вспоминается другой творческий опыт. Прежде чем вещь обретёт материальную форму, она может существовать как цифровая конструкция. На экране виден объект: цвет, поверхность, рельеф, расположение деталей. Его можно поворачивать, увеличивать, менять. Но физическая работа не появляется от одного взгляда на модель. Нужны материал, температура, размеры, прочность, время изготовления. Иногда задуманное нельзя осуществить в первоначальном виде: тонкая деталь ломается, соединение не держит нагрузку, форма оказывается неудобной. Тогда изменяется не только технология. Изменяется сама вещь. Она не становится слабой копией замысла; в лучшем случае она проходит через сопротивление действительности и приобретает свойства, которые нельзя было получить одной визуализацией.

Такой переход хорошо знаком художнику, работающему между цифровым и физическим. Но важно вовремя остановить сравнение. Мир не является принтером, а сознание - файлом, который остаётся отправить в производство. Изготовление объекта можно организовать, измерить и в значительной степени контролировать. Жизнь другого человека так не устроена. И всё же аналогия помогает заметить границу между представимым и осуществлённым. Не всё, что отчётливо видно изнутри, уже существует снаружи. И не всякая внешняя вещь точно повторяет внутренний образ.

Обычная ошибка состоит в том, что мы принимаем ясность картины за вероятность её воплощения. Человек может десятки раз представить разговор. Угадать интонацию, ответить на все возможные возражения, заранее почувствовать облегчение. А затем разговор вообще не состоится. Или состоится и за первую минуту разрушит всю внутреннюю репетицию. Это не делает воображение бесполезным: подготовка могла помочь заметить важное, найти слова, лучше понять собственный страх. Но воображение не было наблюдением за будущим. Оно было настоящей работой с предполагаемым будущим.

Здесь обнаруживается ещё одна трудность. Мы часто спрашиваем: «Какое будущее я выберу?» Так, словно будущее лежит перед нами в виде списка готовых изделий. Но если список неполон, если условия продолжают меняться, если другие люди тоже действуют, а некоторые последствия становятся заметны только задним числом, что означает слово «выберу»? Чаще всего в нашем распоряжении не итоговая жизнь, а ближайший поступок. Он меняет условия, в которых будут совершаться следующие решения. Это различие скромнее привычной идеи судьбоносного выбора. Зато оно оставляет человеку реальное участие, не обещая ему верховной власти над целым миром.

Вспомним привычную развилку на дороге. От одной тропы отходят две. Мы видим обе и можем оценить, куда они ведут. Но в жизни очень часто не так. Другая дорога ещё не проложена. Никто не знает, удастся ли построить мост. Тот, кто поможет, ещё не встретился. Инструмент, необходимый для перехода, ещё не создан. И если спустя годы мы называем произошедшее «третьим путём», это не означает, что он всегда был спрятан рядом с двумя прежними. Возможно, он возник в результате наших собственных и чужих действий. Возможно, его появление было случайностью. Возможно, оба объяснения недостаточны и нужно исследовать сам процесс возникновения.

Но не следует торопиться. Сказать, что новая возможность возникла, ещё не значит объяснить, как она возникла. Новое имя не заменяет причин. Так же, как слово «судьба» не становится доказательством предопределения, а слово «случайность» не объясняет механизм

события. Идея рождения третьего здесь нужна мне не как волшебный ключ. Скорее как предостережение: мир не обязан помещаться в две заранее названные клетки.

Я всё ещё могу говорить о будущем без права считать себя его владельцем. Чтобы построить действительный путь, недостаточно представить его окончание. Придётся увидеть, какие условия и действия стоят между образом и событием; иногда самое важное изменение совершается уже в самом человеке, который выбирает.

Второе движение. Репетиция ненаступившего

Есть особое состояние, в котором человек сидит неподвижно, но внутри него уже происходит целое событие. Он ещё не вошёл в комнату, не поднялся на сцену, не встретился с собеседником, не открыл письмо. Однако тело уже реагирует. Он ловит себя на ускоренном дыхании, прислушивается к возможному ответу, несколько раз меняет первые слова. Иногда чувствует тревогу, хотя ничего угрожающего пока не случилось. Иногда - радость, хотя ничего желанного ещё не получил.

Мы склонны считать такую жизнь внутри воображения не вполне настоящей. «Это только мысли», говорим мы, имея в виду, что событие не произошло. Но сами мысли происходят. Радость, которая появилась из надежды, реальна как переживание. Страх, возникший из воображаемого исхода, реален как страх. Нереальным остаётся не чувство, а предполагаемое событие, которому оно посвящено. Смешивая эти два уровня, человек либо обесценивает собственные переживания, либо принимает их за надёжную информацию о мире.

Это особенно заметно, когда мы путаем убедительность внутренней сцены с её достоверностью. Чем подробнее я представил завтрашний разговор, тем легче мне кажется, что я понимаю его ход. Я могу даже заранее обидеться на реплику, которую другой человек ещё не произнёс. И тогда моё настоящее действительно меняется: я прихожу на встречу напряжённым, говорю жёстче, замечаю признаки недовольства раньше признаков доброжелательности. Будущее не передало мне послание. Представленный мною вариант будущего уже изменил мои действия, а они способны повлиять на реальный разговор.

Это не означает, что любое ожидание само себя исполняет. Иногда мы нервничаем, а другой человек оказывается внимательным. Иногда готовимся к худшему, а происходит хорошее. Иногда уверены в успехе и терпим поражение. Взаимодействие ожиданий и поведения - одна часть истории, а не закон, управляющий всем остальным. Мир сохраняет право сопротивляться нашим сценариям.

Бывает, что в ожидании одна минута тянется дольше всего разговора, ради которого мы готовились. В ней одновременно присутствуют память о прежних словах, напряжение нынешнего тела и образ ещё не произнесённой реплики. Часы не меняют хода, другой человек ещё не заговорил. Но внутри переживания уже есть последовательность и длительность. Если время не исчерпывается тем, что показывает циферблат, искать различие придётся здесь — не в тайных проходах между судьбами, а в устройстве самого ожидания.

Чем дальше я думаю об этой способности, тем удивительнее кажется роль памяти. Когда человек пытается представить предстоящую поездку в незнакомое место, он нередко пользуется обрывками уже знакомого: светом прежнего утра, видом другого вокзала, чужим рассказом, ощущением дороги, увиденной однажды на экране. Будущее собирается из элементов прожитого и узнанного. Мысленная сцена может быть совершенно новой как сочетание, но её материал не возникает в полном отрыве от прошлого.

Сходство памяти и воображения будущего изучают и в когнитивной науке — в исследованиях эпизодического мышления о будущем. Исследователи описывают, как воспоминание о прошлом и конструирование возможных будущих событий частично опираются на общие когнитивные и нейронные процессы. Но это не означает, что мозг хранит будущие события или что любая фантазия является точным прогнозом. Скорее нам дан инструмент построения вероятных и невероятных сцен, полезный для подготовки, планирования и понимания собственных намерений. ^[1]

Здесь возникает тонкое различие между памятью и будущим. Когда я вспоминаю прошлое, событие уже оставило следы, хотя память может ошибаться в подробностях. Когда представляю будущее, события ещё нет в моём опыте; я работаю с предположением. Но в

обоих случаях нынешнее сознание не просто пассивно принимает изображение. Оно соединяет, выбирает, выделяет, достраивает. Это сходство не делает прошлое и будущее одинаковыми. Оно показывает, что во внутренней жизни они встречаются в настоящем.

Мне особенно интересно то, что человеческое воображение способно заранее организовать не только страх, но и будущую радость. Желание может годами удерживать образ того, что ещё не случилось. Иногда это даёт силы учиться, строить, заботиться. Иногда превращает сегодняшнюю жизнь в предбанник, где всё настоящее лишь терпят ради момента «потом». Когда-то я уже сталкивался с этим вопросом в размышлениях о счастье: почему нам так трудно отличить то, чего мы по-настоящему хотим, от обещания, будто после получения желаемого жизнь наконец станет правильной?

Я не уверен, что этот вопрос имеет общий ответ для всех. Желание может быть сигналом интереса и движения. Может указывать на неудовлетворённую потребность. Может быть привычным сравнением, страхом отстать, чужой мечтой, давно принятой за свою. Подлинность желания нельзя доказать одной его силой. Оно требует внимания, иногда времени, иногда столкновения с реальностью. И даже после этого остаётся возможность ошибиться - не потому, что человек недостаточно осознанный, а потому, что он меняется.

Если мы способны создавать внутренние версии завтрашнего дня, почему бы не назвать это свободой? Отчасти потому, что возможна и обратная ситуация. Некоторые образы возникают навязчиво, без приглашения. Человек не выбирает страх, который его захватывает, и не всегда может прекратить внутреннюю репетицию. Свобода здесь не сводится к наличию яркого воображения. Важно, можем ли мы различать образ и факт, видеть альтернативные объяснения, соотносить желания с возможностями, а иногда позволять себе не готовиться ко всему сразу.

Настоящее и так достаточно сложно. В нём приходится жить рядом с многими невыполненными обещаниями самого себе, рядом с последствиями чужих решений, рядом с телом, которое не всегда разделяет наши планы. Если ещё потребовать от человека безупречного управления мыслями и чувствами, получится не свобода, а новая форма внутреннего надзора. В таком требовании будущее превращается из области отношений с жизнью в бесконечный экзамен по самоконтролю.

Скорее наоборот. Возможно, один из признаков зрелого отношения к будущему - способность выдержать, что оно не полностью моё. Я могу готовиться к встрече, но не писать слова за другого. Могу разрабатывать замысел, но не отменить сопротивление материала. Могу сделать поступок, но не присвоить все его последствия. И чем точнее я вижу эти границы, тем меньше нуждаюсь в фантазии о скрытом пульте управления миром.

И всё же не следует превращать воображение в бесполезную игрушку лишь потому, что оно не способно исполнить себя само. Оно позволяет испытывать ещё не совершённое действие, оценивать цену слов и замечать альтернативу привычному. В следующую минуту этим испытанием воспользуется человек со своей историей, характером и ограничениями — невидимый оператор времени.

Третье движение. Человек, который выбирает

В знакомой комнате не приходится искать выключатель. Рука находит его ещё до того, как человек успевает назвать своё намерение: войти и зажечь свет. Иногда движение начинается почти само. Мы думаем о другом, не рассматриваем стену, не выбираем каждый раз высоту, на которую нужно поднять ладонь. И только если выключатель перенесли, обнаруживаем странное: тело всё ещё обращается к прежнему месту. На мгновение рука встречает пустую стену. Кажется, это мелочь. Но в ней хорошо видна одна из трудностей разговора о свободе. Многие в нашем действии подготовлены прежде, чем мы ощутили себя принимающими решение.

Мы учимся не только запоминать факты. Мы осваиваем последовательности движений, разговорные обороты, способы замечать опасность и отвечать на недовольство, умение входить в помещение, не спотыкаясь о знакомый порог. Иногда эти навыки помогают жить. Было бы мучительно каждое утро заново решать, как держать ложку или в какой момент отпустить дверную ручку. Повторение освобождает силы для того, что не стало привычным. Но оно же иногда делает наше поведение менее заметным нам самим. Мы произносим резкое слово прежней интонацией и лишь после слышим, как оно прозвучало. Обещаем себе поступить иначе, а в знакомых обстоятельствах снова идём по уже проторенной последовательности. ^[2]

Когда мы спрашиваем, свободен ли человек, в воображении нередко появляется отдельная фигура, будто стоящая внутри него за пультом. Перед ней разложены варианты. Фигура рассматривает их, нажимает кнопку, и тело выполняет приказ. Однако такого простого устройства собственной жизни мы не обнаруживаем. Желание может возникнуть прежде, чем мы его одобрим. Разумное возражение - не успеть за первой реакцией. Тело - устать, хотя мы собирались быть решительными. И если представить внутреннего управляющего, придётся спросить, кто управляет самим управляющим. У него тоже есть память, привычки, страхи, основания и история.

Мне не хочется использовать это затруднение, чтобы обесценить человека. Кажется соблазнительным сказать: раз я не выбрал язык, на котором думаю, родителей, у которых вырос, время, в которое родился, то и любое моё решение является только итогом чужих причин. Но между «не выбирал начала» и «ничего не делаю сам» лежит целая жизнь. Я не создавал свой голос с первого звука, однако могу учиться говорить точнее. Я не изобретал все слова, которыми пользуюсь, однако могу произнести фразу, которой прежде не произносил. Причины моего действия не обязательно находятся вне меня. Часть их стала мной - памятью, характером, приобретённой способностью различать и отвечать.

И всё-таки сказать «часть причин стала мной» недостаточно. Это только переставляет сложность в другое место. Что считать этим «мною»? Моё первое раздражение или решение его не показывать? Желание уйти или способность остаться ради обещания? Привычку избегать трудного разговора или внезапную готовность всё-таки его начать? Мы охотно признаём своими те поступки, которыми гордимся. Гораздо труднее с теми, о которых хочется сказать: «Я был не собой». Вероятно, в некоторые моменты эта фраза сообщает о переживании, а не описывает буквальное отсутствие человека в собственном действии. Но и обратная крайность слишком груба: нельзя утверждать, будто каждое движение одинаково выражает наше согласие с собой.

Представим сообщение, уже набранное на экране. Человек написал его быстро - в ответ на обиду, усталость или резкость другого. Теперь перед ним несколько строк. Он может нажать «отправить». Может перечитать. Может убрать одно слово, заменив обвинение описанием своего чувства. Может отложить телефон и вернуться через час. Иногда он всё-таки отправит первоначальный текст. Иногда сотрёт его. Внешне между двумя последними действиями неболь-

шое расстояние: касание экрана. Но история этого касания различна. В одном случае человек почти не заметил, что мог переделать слова. В другом он обнаружил внутри своего намерения основание, которому прежде не дал места.

Можно назвать это самоконтролем. Слово будет верным лишь отчасти. Оно создаёт впечатление, будто существует чистая сила, которая должна победить неразумную часть человека. А ведь перечитывающий сообщение тоже движим чем-то: опытом, представлением о последствиях, уважением к другому, иногда страхом потери, иногда желанием сохранить собственное достоинство. Более спокойная фраза не всегда честнее резкой. Молчание не всегда мудрее ответа. Многократное обдумывание иногда помогает, а иногда становится способом ничего не решать. Нам нужен не гимн задержке реакции, а понимание того, что между первым побуждением и завершённым действием могут возникать новые основания.

Значит ли это, что свобода прячется в паузе? Я бы не спешил с таким выводом. Пауза возможна не для всех ситуаций. Она бывает недоступной при угрозе, боли, сильном испуге. Иногда человек прекрасно видит последствия и всё равно не располагает силами поступить иначе. Иногда долгий выбор только расширяет тревогу. И всё же важна сама возможность изменения хода события: не мистическое выпадение из причинности, а появление дополнительного отношения к тому, что уже началось. Я не перестаю быть существом с историей. Я становлюсь существом, способным хотя бы иногда увидеть эту историю в работе.

Когда говорят о свободной воле, спор часто устроен как проверка на абсолютное происхождение. Чтобы действие считалось моим, будто бы требуется, чтобы я сам создал все условия, все свои желания и даже саму способность хотеть. Но тогда свободным не окажется никто. Человек не возникает из ничего каждую секунду. У его решения есть прошлое, и наличие прошлого не должно автоматически превращаться в приговор. Может быть, один из смыслов свободы связан не с отсутствием причин, а с тем, как человек способен соотноситься с причинами, на которые откликается. Это философская возможность, не установленный ответ. Мне важно оставить её открытой, не объявляя всем, кто иначе понимает свободу, что они просто ошибаются. ^[3]

Существует и другая надежда: если мир не полностью предопределён, значит, свобода спасена случайностью. Но представим, что в решающий момент моё поведение определилось непредсказуемым колебанием, которое не выражало ни моих оснований, ни желаний, ни вни-мания. Почему это сделало бы меня более автором поступка? Неожиданное событие может изменить жизнь, но неожиданность сама по себе не является волей. Даже если в природе есть процессы, не описываемые строгой предсказуемостью, из этого не возникает автоматического доказательства человеческого самоуправления. Случай и решение - разные способы говорить о происходящем, хотя в реальной жизни они могут встречаться.

Особенно заманчиво искать окончательный ответ в мозге. Когда удаётся зарегистрировать подготовительную активность перед произвольным движением, нетрудно произнести громкую фразу: «Решение принято до сознания, значит, свободы нет». Но стоит внимательно присмотреться к самим исследованиям, и всё становится сложнее. Нажать кнопку в произвольный момент - не то же самое, что изменить многолетнюю привычку, признаться в ошибке или решить, как поступить с чужим доверием. Кроме того, существуют разные объяснения того, что именно показывают сигналы перед движением. Эксперимент может уточнять работу нервной системы, не закрывая философский вопрос одним результатом измерения. ^[3]

Я не хочу прятать сознание в щели, которые пока не объяснила нейробиология. Это был бы плохой способ защищать человека. Если завтра мы узнаем больше о механизмах принятия решений, отсюда не следует, что исчезнет то, что сегодня называют переживанием выбора. Возможно, изменится язык его объяснения. Возможно, окажутся ошибочными некоторые наши представления о том, когда появляется намерение. Но нельзя заранее отождествлять объяснение процесса с его уничтожением. Узнав, как возникает речь, мы не превращаем сказанное в

бессмысленный шум. Узнав, как строится движение руки, мы не перестаём различать помощь и удар.

Разница между ними не живёт в одной мышце. Она существует в обстоятельствах, намерениях, последствиях, способностях человека понимать другого и в правилах, которыми мы удерживаем совместную жизнь. Мы способны задавать друг другу вопросы: почему ты поступил так, что видел в тот момент, о чём знал, мог ли остановиться, что собираешься сделать после? Отвечая, человек не становится независимым от причин. Он показывает, какие причины признаёт значимыми, чего не заметил, что теперь способен пересмотреть. Ответственность здесь не сводится к наказанию. Иногда она прежде всего означает готовность не прятать совершённое за объяснением, которое избавило бы от необходимости увидеть последствия.

Однако требование ответственности тоже нуждается в мере. Очень легко представить любого человека всесильным распорядителем собственных обстоятельств, пока смотришь на его жизнь из безопасного места. Один может сменить работу, потому что имеет накопления, поддержку и образование. Другой должен сначала выяснить, чем накормить семью в следующем месяце. Для одного «начни заново» означает неприятные хлопоты. Для другого - реальную угрозу дому, здоровью или близким. Возможность выбора не распределена между людьми одинаково. Слова «ты сам всё выбрал» нередко говорят там, где не потрудились разглядеть цену решения.

Но признание ограничений не требует считать человека полностью беспомощным. Иногда в тяжёлых обстоятельствах ему доступно очень мало, и это «мало» заслуживает внимания не меньше больших поступков. Иногда его ближайший шаг состоит не в том, чтобы победить препятствие, а в том, чтобы попросить помощи, отложить опасное решение, не повторить чужое насилие, дать себе восстановиться. А иногда необходимо признать ещё более трудное: усилий недостаточно и исход остаётся плохим. Философия, которая измеряет достоинство человека успешностью результата, потеряет именно тех, кому понимание нужнее всего.

Право на поступок ещё не даёт власти над всеми его последствиями. Я могу принести извинение, но не могу обязать другого принять его. Могу начать учиться, но не гарантировать себе талант. Могу выстроить заботливое действие, которое окажется недостаточным. Могу выбрать риск, не выбирая ущерб, который в итоге возник. Когда человек утверждает «это было моё решение», он не присваивает весь мир, пришедший после. Он берёт на себя определённое участие в причине, оставаясь одним из участников более сложного процесса.

Вот почему в рассказах о собственной жизни я с осторожностью отношусь к выражению «в тот день я всё решил». Иногда мы действительно помним момент, после которого многое переменилось. Но нередко этот момент был подготовлен месяцами, годами, разочарованиями, незаметным накоплением навыков, чужими словами и случайными встречами. Задним числом мы сжимаем их в одну сцену: вот здесь была развилка. Так удобнее помнить. Так проще рассказывать другим. Однако удобная биография не обязана совпадать с действительным устройством изменения.

Вполне возможно, что труднее всего признать не то, насколько мало мы контролируем, а насколько медленно становимся людьми, способными сделать некоторые решения. Тот, кто сегодня сумел отказаться от привычной жестокости, не обязательно мог столь же легко сделать это десять лет назад. Тот, кто раньше не различал обиду и страх, иногда учится различать их. В этом нет предписания каждому становиться лучшей версией себя. Есть более скромное наблюдение: способность выбирать тоже имеет историю. Она не просто применяется к готовым вариантам; она формируется и меняется.

Но даже это наблюдение можно испортить. Услышав, что человек способен вырабатывать новые навыки, легко потребовать от него постоянной переработки самого себя. Будто всякий недостаток контроля должен быть немедленно устранён, а каждая пауза - использована с пользой. В прежних размышлениях мне уже приходилось защищать право человека на достаточ-

ность. Возможность развиваться не означает долга расти без остановки. Если доступен иной путь, это не делает нынешнюю жизнь неправильной. И если мы хотим честно говорить о будущем, нам придётся сохранить право человека не превращать своё существование в бесконечный производственный проект.

Есть ещё одно обстоятельство. Иногда решение не может быть принято заранее по-настоящему, потому что сам человек ещё не встретился с тем, что сделает его возможным. Он не умеет назвать чувство, которому ещё не нашёл слов. Не видит занятие, о существовании которого не знает. Не представляет способности, которой ещё не научился пользоваться. Можно повторять ему «выбирай свободно», и формально перед ним будет множество вариантов, но они не образуют для него живого пространства выбора. Невозможно одинаково выбирать знакомое и то, чему пока не дано никакого места в собственном опыте.

У стены с перенесённым выключателем рука ещё какое-то время будет искать свет там, где он был раньше. Это не доказательство несвободы. Скорее напоминание о том, что привычное направление бывает сильнее объявленного намерения. Однажды рука найдёт новое место; через время движение снова станет лёгким и почти незаметным. Между первым промахом и новой привычкой будет происходить нечто большее, чем выбор между двумя точками на стене. Изменится способ, которым человек ориентируется в знакомом пространстве.

Знакомая комната осталась той же. Изменились не законы, по которым в ней работает выключатель, а набор замечаемых путей. Иногда первое реальное действие состоит именно в том, чтобы перестать называть привычное единственно возможным.

Четвёртое движение. Возможность, которой не было видно

Положим перед собой лист плотной бумаги. Пока он лежит на столе, он легко гнётся под собственной тяжестью, если поднять его за край. Можно было бы решить, что этой вещи не хватает жёсткости. Но стоит сделать несколько складок, и она начинает удерживать форму иначе. Материал остался почти тем же; изменилась его организация. Теперь возникают способы использовать лист, которые неочевидны, пока он плоский. Мы не создали бумагу из пустоты и не отменили её физических свойств. Мы изменили условия, при которых одни свойства становятся заметнее других.

Такой пример ничего не доказывает о сознании или устройстве времени. Бумага - не человек, а складка - не судьба. Мне он нужен для более точного вопроса. Что значит, когда мы говорим: «Этого раньше не было возможно»? Иногда мы имеем в виду нарушение законов природы. Иногда - отсутствие инструмента. Иногда - нехватку знаний. Иногда - что никто из присутствующих даже не додумался попробовать. Все эти ситуации в речи обозначаются одним словом, хотя различаются радикально.

Возможность, которую я могу вообразить, ещё не является возможностью, которой я располагаю. Я способен представить, как свободно разговариваю на незнакомом языке, но завтра утром не заговорю на нём только из-за яркости этой сцены. Для этого понадобится время, практика, доступ к обучению, возможность ошибаться. Я могу представить дом, но он не появится из представления; нужны материалы, работа, деньги, разрешения, люди и место. С другой стороны, могу не знать об устройстве, существующем за стеной, хотя для человека в соседнем помещении пользоваться им легко. В одном случае мне недостаёт способности, в другом - условий, в третьем - сведений.

Есть смысл различать хотя бы четыре вещи: мыслимое, осуществимое по устройству мира, доступное при данных обстоятельствах и вероятное при нынешнем ходе событий. Это не классификация Вселенной на четыре готовых этажа, а рабочий способ не путать слова. То, что легко представить, может быть невозможным. То, что физически допускается, может быть недоступным человеку в конкретной жизни. То, что доступно, может потребовать такой цены, которую он не согласен платить. А вероятность наступления события зависит ещё и от множества процессов, которые мы не собираемся контролировать.

Удивительно, как часто мы поступаем наоборот. Говорим: «Ты можешь стать кем угодно», когда хотим поддержать. Или: «Раз у тебя не получилось, значит, ты недостаточно хотел», когда хотим объяснить чужую неудачу. Первая может поддержать, но при буквальном прочтении обещает невозможное. Вторая делает из любого исхода меру желания и снимает ответственность со среды. Между этими фразами теряется гораздо более интересная работа: разобраться, что доступно сейчас, какие условия можно изменить, что потребует участия других и где наши возможности действительно заканчиваются.

Представим библиотеку на втором этаже старого здания. В ней есть книга, необходимая человеку для учёбы. Библиотека открыта, книга лежит на полке, работник готов её выдать. Формально возможность существует. Но человек, который не может подняться по лестнице, не получает от этого перечня ни доступа, ни свободы. Иногда достаточно организовать доставку или изменить вход, и то, что было закрыто для одного, становится доступным. Книга не переместилась в другую вселенную. Изменились конкретные условия, связывающие человека и вещь. Возможность перестала быть чужим утверждением и стала действительной.

В этом примере особенно ясно, почему слово «возможность» нельзя отделить от вопроса «для кого?». Пространство мира не является одинаковой картой для каждого, кто в нём живёт. Возраст, тело, язык, деньги, общественные правила, чужие решения и накопленные навыки определяют не только трудность пути, но порой и саму его видимость. Поэтому человеку недо-

статочно перечислить двери и посоветовать смелее их открывать. Иногда необходимо сначала увидеть, что у двери нет доступной ручки. Иногда её нужно установить. Иногда дверь принадлежит другому, и право войти никогда не было предоставлено.

Ранее я говорил о направлении, как о русле, которое возникает из повторений и обстоятельств. Теперь внимание смещается к тому, что само пространство движения может изменяться. Это не означает, что всё в мире пластично. Некоторые ограничения остаются, и часть из них непоправима. Но другие зависят от созданных нами устройств, способов сотрудничать, знаний и договорённостей. Тот, кто не умел читать, после обучения получает доступ не просто к отдельной книге. Для него открывается множество занятий, разговоров и будущих ситуаций, которые прежде существовали где-то снаружи, но не были практически его возможностями. Он не узнаёт заранее свою судьбу. Он получает новый способ участвовать в ней.

В мастерской это видно почти на ощупь. Есть деталь, которая не соединяется с другой. Поначалу кажется, что у конструкции два выхода: отказаться от замысла или силой подогнать неподходящие части. Затем кто-то замечает, что соединение можно устроить иначе. Меняет порядок сборки, добавляет переходный элемент, пересчитывает допуск. Теперь прежние два решения уже не исчерпывают задачу. Возник третий ход, которого не было в первоначальном выборе. Он не выпал из другого измерения; его произвели знания, внимательность, материал и работа. Но результат не сводится к простой победе одной из прежних возможностей.

У творческой практики есть особая соблазнительность. Художник иногда видит завершённую форму так отчётливо, что начинает казаться, будто вещь давно жила где-то вне него и оставалось лишь извлечь её. Такие переживания могут быть подлинными и мощными. Но происхождение образа и устройство произведения не обязаны совпадать с описанием переживания. В воображении можно держать форму без веса, напряжения материала, несовместимых деталей. При воплощении она впервые встречается с сопротивлением, которое делает её иной. Неудачная попытка иногда открывает свойство, которого художник не искал. Исправление может стать не приближением к изначальному идеалу, а появлением нового замысла.

Человеческое творчество не даёт готовой модели рождения Вселенной: между историей изобретения и устройством космоса нет такого перехода, который обеспечивала бы одна аналогия. И всё-таки художественное действие позволяет мне увидеть, насколько бедно представление о выборе как о выборе товара из каталога. Не всегда существует перечень завершённых результатов. Иногда человек работает над материалом, не зная заранее, какой результат окажется не только красивым, но и вообще осуществимым. Иногда инструмент изменяет мысль, а мысль - способ использования инструмента. Это не только отбор готового. Это становление самого поля вариантов.

Возражение напрашивается сразу. Кто-то скажет: «Но ведь если деталь можно было изготовить, значит, такая возможность всегда существовала. Вы её просто не знали». В определённом смысле это справедливо. Возможность построить конкретную вещь не требует, чтобы законы природы изменились в момент изобретения. Я не предлагаю называть новым физическим законом каждую удачную конструкцию. Здесь важна различная точка зрения. Возможность, допускаемая устройством мира, и возможность, доступная человеку с его нынешними знаниями и средствами, не одно и то же. Признавая первое, мы не обязаны отрицать возникновение второго.

Разница похожа на отличие незнакомого слова в языке от слова, которым ты действительно умеешь воспользоваться. Оно могло существовать задолго до твоего рождения. Но лишь после того, как ты его услышал, понял и начал узнавать в чужой речи, изменилось то, что ты можешь выразить. Можно возразить, что способность была потенциальной. Хорошо. Однако назвать способность потенциальной ещё не значит показать путь её появления. Между «когда-нибудь возможно» и «теперь могу» располагается работа, без которой первое останется пустым обещанием.

Возможно, поэтому рассказы об успехе кажутся такими гладкими, когда они написаны после завершения истории. Позднее мы находим цепочку причин: эта встреча привела к знакомству, то знакомство - к работе, работа - к новому знанию, а оно открыло следующий этап. Цепь выглядит почти обязательной. Но человек, находившийся внутри первого события, не видел её целиком. Он мог пройти мимо, кто-то мог заболеть, предложение могло не появиться. Некоторые условия сложились потому, что люди действовали; другие - без их ведома. Из итоговой связности прошлого не следует, что будущее было для каждого участника уже прочитанной страницей.

Я замечаю за собой искушение ставить в конце такой истории аккуратный знак: «Всё было не случайно». Фраза утешает, потому что делает прожитое завершённым рисунком. Но я не знаю, что именно она доказывает. У событий есть причины и последствия, и даже неожиданная встреча происходит в определённых обстоятельствах. Однако осмысленность воспоминания не равна заранее предусмотренному замыслу всего мира. Мы часто находим смысл после того, как случилось событие. Из этого не следует, что смысл управлял им прежде.

То же относится к несбывшемуся. Иногда, оглядываясь, мы уверены: «Если бы тогда поступил иначе, вся жизнь была бы другой». Наверное, какие-то события действительно изменились бы. Но какой именно стала бы жизнь, мы не знаем. Чтобы это знать, нужно было бы не просто заменить один поступок и сохранить всё остальное неподвижным. Иной ответ изменил бы реакцию другого человека, следующий разговор, доступные сведения, наше собственное состояние. Неосуществлённую биографию невозможно честно прочесть как скрытую запись. Мы можем построить её правдоподобный рассказ; не можем проверить его как прожитую историю.

Особенно больно бывает там, где прошлое пересматривают не из любопытства, а из сожаления. Нам кажется, что сегодняшнее понимание следовало иметь ещё тогда. Но это странное требование: оно помещает человека, ставшего старше благодаря опыту, внутрь прошлого, где этого опыта у него не было. Конечно, это не освобождает от ответственности за ошибку. Можно было не заметить очевидного, не услышать предупреждения, отнестись к другому без должного внимания. Однако честное сожаление отличается от фантазии, будто все условия знания уже были у нас в руках. Понимание ошибки иногда требует признать не только то, что мы сделали, но и то, чего тогда не умели различать.

Пытаясь найти несостоявшуюся дорогу, человек нередко забывает о настоящей, которая продолжает развиваться. Он спорит с призрачным собой, которому повезло больше, который вовремя понял, встретил другого человека, выбрал иную работу. Такой двойник всегда обладает удобным преимуществом: ему можно подарить нужные знания и устранить лишние обстоятельства. Настоящий человек не пользуется этой щедростью автора. У него есть усталость, ограниченный день, незавершённые дела. Я не хочу убеждать его перестать сожалеть - не всякая потеря излечивается правильной формулировкой. Но полезно помнить, что сравниваем мы прожитую жизнь и воображаемую конструкцию, а не два одинаково доступных свидетельства.

Как ни странно, создание нового иногда начинается именно с признания того, что прежнее не вернуть. Не потому, что каждая утрата скрывает подарок. Такая мысль была бы жестокой. Некоторые вещи просто потеряны. Но пока всё внимание занято попыткой доказать, как хорошо было бы при другом исходе, труднее увидеть свойства сегодняшних обстоятельств. Они не обязаны нравиться. И всё же именно с ними приходится иметь дело. Возможное возникает не в идеальной точке, где прошлое отменено, а там, где человек обнаруживает, что ещё существует вокруг него.

Нельзя забывать и о роли других людей. В одиночку можно вообразить множество вариантов, но некоторые из них становятся осуществимыми только благодаря чужому независимому решению. Два человека могут принести в общую работу несовместимые взгляды, спорить, менять замысел и однажды обнаружить решение, которого не было ни у одного в начале.

Мы охотно приписываем такие результаты вдохновению или гармонии. Возможно, иногда так и переживаем процесс. Но новая способность возникла из взаимодействия нескольких самостоятельных участников, а не из тайного превосходства намерения одного над намерением другого.

Эта мысль особенно нужна там, где будущее касается отношений. Как только я начинаю говорить «я создам нашу жизнь», возникает опасность незаметно забрать у другого право на собственную. Я могу предложить совместную дорогу. Могу готовить условия, быть внимательным, менять привычки и учиться разговаривать. Но не могу заранее владеть согласием, желанием, страхами и будущими решениями другого человека. Совместное возникает между людьми, а не в сознании одного, которому второй должен подтвердить нарисованный сценарий. Иногда решающим оказывается как раз то, чего я не мог предусмотреть за другого.

И всё же не всякое появившееся новое лучше прежнего. Новое устройство может причинять вред. Техническая находка может усилить не только способность помогать, но и способность контролировать. Привычка, родившаяся в ответ на трудность, способна позже стать тесной. Двое могут создать вместе отношения, в которых оба потеряют больше свободы, чем имели до встречи. Слово «новое» ничего не сообщает о ценности результата. Если я рассматриваю возникновение третьего как событие, мне ещё предстоит спросить, что оно делает с живыми участниками. Иначе философия становления незаметно превратится в поклонение любой перемене.

Иногда лучшим действием является не открытие следующей возможности, а отказ от неё. Можно отказаться от новой работы, не будучи ленивым. Не продолжать удачный проект, не обесценивая его. Не превращать дружбу в дело, даже если дело могло бы получиться. Оставить время свободным. Остаться там, где достаточно хорошо. Если человек действительно способен участвовать в формировании собственного будущего, эта способность включает право не пользоваться каждым открывшимся вариантом. Иначе разнообразие возможностей только расширит список невыполненных обязанностей перед собой.

Есть ещё более тонкий случай. Возможность может существовать и даже быть доступной, но не быть желанной. Мы привыкли связывать свободу с расширением выбора, словно увеличение числа вариантов всегда улучшает жизнь. Однако человеку приходится не только выбирать среди них, но и выдерживать последствия отказов. Каждый принятый план занимает время, силы и внимание, которых уже не достанется всем прочим. Не каждая упущенная возможность становится трагедией. Некоторые должны остаться неосуществлёнными, чтобы другая жизнь - единственная, которую мы действительно проживаем, - могла приобрести форму.

В этом месте будущее перестаёт быть яркой витриной. Оно становится гораздо тише. У меня есть сегодняшний день, определённое тело, определённые обстоятельства и внимание, которое нельзя распределить на все желания одновременно. Часть возможного мне недоступна, часть ещё не открылась, часть я сознательно оставляю. И всё равно здесь может возникнуть нечто, чего я не умел ожидать. Мне не требуется считать каждое событие знаком, чтобы признать удивительность такого возникновения. Достаточно увидеть, как один новый навык меняет последующие действия, как встреча расширяет язык, как изменение условий делает прежде закрытое осуществимым.

Но меня всё больше беспокоит одна особенность этого рассуждения. Мы говорим, что человек способен создавать условия будущего. А что, если, создавая их, он меняет не только мир, но и того, кому предстоит в нём жить? Сегодня я выбираю занятие, и занятие постепенно изменяет мои интересы. Берусь заботиться о другом, и само понимание заботы меняется по мере жизни. Принимаю решение из одних мотивов, а через годы уже не могу до конца восстановить, почему они казались мне такими убедительными. Завтрашнее «я» не обязано быть простым продолжением сегодняшних желаний.

Выбор формы, которой предстоит существовать завтра, неизбежно связывает два состояния человека. Сегодня я принимаю решение; позже оно окажется частью чьих-то условий жизни — в том числе моих собственных. Время не оставляет нам права делать ставку лишь на неизменность сегодняшнего «я».

ЧАСТЬ II. ВРЕМЯ, КОТОРОЕ НЕ ПРИНАДЛЕЖИТ ОДНОМУ

Пятое движение. Тот, кому достанется завтра

Есть у записных книжек странная способность: они хранят не только то, что человек сделал, но и то, каким он рассчитывал быть. Между списками покупок, размерами деталей и случайными телефонами вдруг обнаруживается запись с датой. «К осени закончить». Или: «Больше к этому не возвращаться». Или совсем короткое: «Не забыть, ради чего начал». Представим, что это моя старая запись. Почерк знаком. Бумага сохранила движение руки. Обстоятельства, в которых возникла фраза, можно попытаться восстановить. И всё-таки я прочёл бы её как письмо от человека, к которому имею отношение, но которым уже не вполне являюсь. Он не знал того, что произошло потом. Я не знаю всего, что им двигало тогда. Между нами лежит не только прошедшее время. Лежит прожитый опыт, которого у автора записки ещё не было.

Всякий выбор затрагивает человека, которому предстоит жить после сегодняшнего дня. Решая сейчас, я распоряжаюсь частью его времени, сил, денег и отношений. Этот будущий человек не может возразить; отказ принимать решение тоже имеет последствия. Не нужно воображать двух разных существ в одной биографии, чтобы заметить неравенство их положения: сегодня я определяю условия, в которых завтра самому придётся действовать.

Не следует понимать это слишком буквально, будто внутри одной биографии последовательно рождаются посторонние люди. Я проснулся утром и не стал юридически новым существом. Моё тело продолжает свою историю, память удерживает множество связей, вчерашние действия имеют сегодняшние последствия. Можно сменить профессию, город, любимую музыку и не перестать быть тем, кому принадлежит собственное прошлое. Но из этого ещё не следует, что человек сохраняет неизменным всё, что делает его собой. Обычно мы замечаем не момент превращения, а расстояние между двумя состояниями. Вчерашний я узнаваем. Я десятилетней давности - тоже. И всё же он мог быть уверен в вещах, которых я теперь не утверждаю; желать того, от чего сегодня отказался бы; считать окончательным решение, ставшее для меня только одним из эпизодов.

Нам трудно удерживать эту двойственность, поэтому мы выбираем удобную формулу. Либо «я всегда был таким», либо «я стал совсем другим». Первая сглаживает перемены, вторая позволяет отрезать неудобное. Но человеческая непрерывность не требует неподвижности, а перемена не обязательно разрывает принадлежность прошлого. Пока меняется дом, стены которого разбирают и достраивают постепенно, мы не можем указать на единственную доску, удерживающую его тождество. Этот образ помогает лишь до известной границы: человек не дом, а вопрос о личной идентичности нельзя решить строительным сравнением. Зато сравнение обнаруживает нашу привычку искать один неизменный предмет там, где существует долгая связь состояний.

В философии этот вопрос возник задолго до календарей с напоминаниями. Одни подходы уделяют особое внимание телесной непрерывности человека; другие - непрерывности психической жизни, памяти, намерений и характера. Существуют споры о том, что важнее для сохранения личности во времени, а что служит лишь признаком её сохранения. Я не собираюсь объявлять победителя. Меня занимает более земное следствие: даже если каждый из нас остаётся одним человеком во всей своей жизни, отношение к себе будущему не обязано быть простым. Можно испытывать нежность к человеку, которого ещё нет в нашем опыте, раздра-

жаться на его возможные ошибки, бояться его разочарования и почти никогда не спрашивать, чего ему самому захочется. [4]

Прошлого себя мы видим сквозь память. Будущего - сквозь воображение. Оба способа несовершенны, но устроены не одинаково. Прошрое действительно произошло, хотя мы могли забыть обстоятельства или изменить их объяснение. Будущее ещё не представлено нам как пережитое событие; картина завтрашнего дня собирается из знаний, страхов, ожиданий и доступных сценариев. Память иногда приписывает прежнему человеку сегодняшнее понимание. Воображение иногда приписывает будущему человеку сегодняшние желания. В обоих случаях мы незаметно продлеваем себя нынешнего по обе стороны настоящего, словно оно должно быть меркой для всей биографии.

Я замечал это на самых безобидных примерах. Покупаешь вещь не для сегодняшнего использования, а для того, кто «наконец займётся» давно задуманным делом. Выделяешь под неё место, деньги, готовишь инструменты. Перед глазами стоит уверенный, спокойный человек: он просыпается с нужным желанием, берёт подготовленное и приступает к работе. Иногда это действительно происходит. Но бывает иначе. Через несколько месяцев предмет остаётся нетронутым, а ты уже не помнишь, почему его покупка казалась почти началом новой жизни. Можно назвать это несобранностью. А можно сначала спросить, не обещали ли мы будущему себе не только средство, но и желание, которое оно якобы обязано было иметь.

Здесь особенно обманчиво слово «настоящий». «Настоящий я» - тот, кто однажды всё доведёт до конца. Или, напротив, тот, кто был прежде, пока его не испортили обстоятельства. В обоих случаях нынешний человек оказывается временной неудачной версией. Ему предлагают ждать окончательного себя, вместо того чтобы признать реальность собственного существования сейчас. Но если я когда-нибудь стану лучше понимать дело, любить другое или иначе относиться к себе, это не сделает сегодняшний день репетицией несуществующего актёра. Настоящее не обязано оправдывать своё право на жизнь итоговой версией человека.

И всё же забота о себе будущем - не ошибка. Если я не буду думать о завтрашнем теле, мне легко оказаться равнодушным к собственному здоровью. Если не учту будущих расходов, сегодняшняя лёгкость может обернуться долгой несвободой. Если не оставлю себе времени на отдых, однажды не получится продолжить даже то, что сейчас люблю. Некоторые решения имеют смысл именно потому, что нынешняя часть моей жизни временно берёт на себя труд ради последующей. Не нужно знать, каким точно будет человек через годы, чтобы понимать: ему понадобятся сон, еда, возможность действовать, защита от предотвратимого вреда и хотя бы часть ресурсов, которые сегодня можно не тратить бездумно.

Но между заботой и диктатом проходит граница, которую трудно заметить, пока ты полон сил. Я могу сохранить для будущего себя возможность заниматься любимым делом. Могу постепенно научиться тому, что кажется важным сейчас. Могу оставить рабочий стол в порядке, чтобы завтра было легче приступить. Но могу поступить иначе: заполнить все предстоящие годы поручениями нынешнего себя, заранее назначить, кем я буду, с кем должен встречаться, что обязан любить и почему не имею права пересмотреть план. Тогда забота начинает походить на договор, в котором подпись сегодняшнего человека выдана за подпись будущего. Будущий человек становится должником не за полученное, а за обещания, которые давал не вполне осведомлённый предшественник.

В исследованиях выбора на расстоянии времени есть понятие связи с будущим собой. Оно описывает, насколько человек ощущает последующего себя близким и продолжающим нынешнюю жизнь. В отдельных экспериментах более ощутимая связь с будущим собой сопоставлялась с решениями, в которых отложенный результат получает больший вес. Но из этого нельзя вывести универсальную мораль: будто тот, кто не копит деньги или не способен планировать, просто недостаточно любит своё будущее. У людей различаются ресурсы, здоровье, горизонты безопасности, социальные обстоятельства. Для того, кто не уверен в завтрашнем

ужине, далёкое завтра неизбежно занимает другое место, чем для того, у кого сегодня закрыты основные потребности. Философский вопрос о будущем себе нельзя превращать в удобный способ обвинять человека за положение, в котором он живёт. [5]

Но и здесь нельзя найти универсального правила «всегда оставляй все двери открытыми». Иногда открытая дверь означает постоянную неопределённость, которая изматывает. Иногда закрыть дверь необходимо, чтобы защитить уже начатую жизнь: от угрозы, от чужого насилия, от собственного разрушительного повторения. Бывают решения, смысл которых именно в невозможности каждый день начинать их заново. Если каждое утро заново доказывать себе необходимость заботы, верности или длительного труда, не останется сил на их осуществление. Некоторая устойчивость освобождает нас от бесконечных голосований внутри себя.

Представим человека, который учится играть на музыкальном инструменте. В первые месяцы ему нравится образ себя за инструментом гораздо больше, чем однообразные упражнения. В дальнейшем может случиться перемена: музыка станет частью жизни, которой раньше не было, а может и утратить значение. Если он заранее запрещает себе бросить, то рискует превратить занятие в повинность. Если прекращает при первом неудобстве, то, возможно, никогда не встретит радости, которая появляется только после долгого освоения. Одного взгляда в будущее недостаточно, чтобы дать ответ. Нужно различать временное сопротивление, устойчивую утрату интереса, цену продолжения и последствия отказа. И эту работу не всегда возможно выполнить заранее.

Есть выборы, которые меняют наши предпочтения изнутри. Человек не просто получает то, к чему стремился, но постепенно иначе начинает понимать, чего вообще стоит желать. Учёба меняет вопросы, которые кажутся важными. Забота о другом меняет отношение ко времени. Работа, прежде выглядевшая мечтой, раскрывает будничность, о которой невозможно узнать издалека. Некоторые события не дают нам предмет, который мы хотели; они меняют того, кто хотел. Поэтому обещание себе «я буду счастлив, когда достигну этого» особенно непрочное. Мы не можем заранее измерить будущую радость сегодняшней шкалой. И не можем считать несбывшимся всякое будущее, в котором изменились сами представления об успехе.

Эта мысль легко приводит к опасному утешению: раз человек меняется, значит, всё, что произошло, было необходимо для его роста. Но это неправда. Мы можем чему-то научиться вследствие потери, не превращая потерю в подарок. Можем стать внимательнее после ошибки, не объявляя ошибку правильной. Иногда опыт обогащает, иногда истощает, иногда оставляет след, который не хочется повторять ни при каких условиях. Из того, что будущий человек способен существовать после трудного события, не следует, что событие было ему предназначено. Тот, кто пережил боль, не обязан благодарить её за своё становление.

Так возникает проблема ответственности перед собой прошлым. Сегодня я могу сказать: «Я тогда был другим». В этих словах бывает точность: у меня действительно были другие знания, привычки, представления о допустимом. Но фраза способна стать и способом уклониться от неприятного. Если моё прежнее решение причинило вред другому человеку, перемена взглядов сама по себе не погашает последствий. Новый взгляд может позволить назвать поступок честнее, принести извинение, возместить возможное, прекратить повторение. Он не даёт возможности задним числом заменить автора действия. Я не обязан оставаться таким же, чтобы отвечать за то, что сделал прежде.

Однажды старый замысел может показаться наивным. Мы перечитываем ранние страницы и слышим в них слишком громкую уверенность, неверный акцент, непонимание собственной темы. Самый простой выход - объявить прежнюю работу чужой и начать с чистого листа. В творчестве это происходит часто: переделать всё, потому что теперь видишь больше. Иногда переделка действительно нужна. Но если каждый поздний взгляд уничтожает все следы предыдущего, исчезает не только ошибка; исчезает история того, как мы научились видеть

её. Не всё прежнее обязано оставаться опубликованным или действующим. Однако прошлому можно отказать в правоте, не отказывая ему в месте внутри собственной жизни.

В записной книжке остаётся та старая строка: «К осени закончить». Я мог бы зачеркнуть её и написать: «Не получилось». Мог бы переписать дату, продлевая обещание ещё на год. Мог бы оставить запись как свидетельство того, что когда-то для меня было важно именно это. Ни одно действие само по себе не сообщает, каким человеком я стал. У каждого есть обстоятельства и цена. Но теперь я вижу в строке не приказ из прошлого и не смешное заблуждение. Я вижу человека, который попытался передать через время своё намерение - не зная, кто его прочтёт.

Шестое движение. Обещание с открытым концом

Встреча, назначенная на следующую неделю, почти ничего не говорит о нашем отношении ко времени, пока она существует только в моей записной книжке. Я могу перенести её, забыть или решить, что она мне больше не нужна. Но стоит другому человеку изменить ради неё свои планы, как запись приобретает новое содержание. Теперь завтрашний час занят не только моим намерением. В нём есть чужое ожидание. Кто-то отказался от других дел, выбрал дорогу, подготовился к разговору. Если я внезапно исчезну, изменится не только мой день. Обещание образовало связь между двумя настоящими через событие, которое пока не произошло.

Мы часто говорим «я обещаю», словно сообщаем достоверное знание о собственном будущем. Но обещание - не прогноз. Прогноз пытается угадать, что случится. Обещание меняет то, на что другой человек теперь имеет основания рассчитывать. Когда я обещаю прийти, я не приобретаю власть над погодой, транспортом, здоровьем и всеми случайностями этого дня. Я беру на себя определённую часть ответственности за приближение встречи: постараюсь оказаться там, предупрежу, если не смогу, не буду делать вид, будто моё исчезновение ничего не меняет. Содержание обещания раскрывается не в способности гарантировать мир, а в готовности считаться с тем, что оно сделало между нами уже сейчас.

Поэтому верность не всегда выглядит как буквальное повторение однажды произнесённых слов. Бывает, договорённость теряет смысл из-за обстоятельств, которых участники не могли предусмотреть. Бывает, изменяются цели, возможности, потребности. Но от одной стороны требуется не только признать собственную перемену; нужно увидеть, что за время ожидания другая могла построить на прежнем слове часть своей жизни. Иногда честный разговор не возвращает утраченное доверие, даже если причины отказа уважительны. И это не обязательно несправедливость. Обещание работает потому, что на него можно опираться, а опора не перестаёт быть важной в тот день, когда становится неудобной для того, кто её предложил.

Совсем иначе устроены многие обещания самому себе. Я записываю: «С завтрашнего дня буду читать каждый вечер». В этот момент никто другой не обязан менять расписание. Если через месяц моя жизнь изменилась и вечерами мне действительно нужно спать, прежняя запись не обязательно требует героического исполнения. Но бывают и внутренние обещания, от которых зависят другие люди: учиться тому, без чего не смогу выполнять принятые обязательства; не возвращаться к поступку, причиняющему близким вред; создать финансовую опору для тех, кто на меня рассчитывает. Не всякое «обещал себе» остаётся делом только одного человека. Форма записи не определяет моральной цены её нарушения.

Обещание может быть мостом, который делает длинное действие возможным. Нельзя построить дом одним вдохновением, освоить сложное ремесло за вечер или восстановить доверие единственным признанием. Длительные дела требуют определённой устойчивости. Мы договариваемся с собой не пересматривать всё при каждом колебании настроения: завтра вернуться к работе, даже если не будет такого же увлечения; закончу начатое, хотя начало уже не кажется праздником. Такое обязательство может поддерживать длительное дело, не заставляя каждый раз начинать его заново после перемены настроения.

Но мост может постепенно стать клеткой. Такое случается, когда средство превращается в цель, а верность подменяется невозможностью спросить, зачем всё продолжается. Человек начинает дело ради одной причины, затем годами выполняет его по инерции, хотя причина исчезла. Он гордится тем, что «никогда не отступает», и перестаёт замечать, что движение стало бессмысленным. Со стороны это может выглядеть как выдающаяся дисциплина. Изнутри - как отказ признать собственное изменение. Трудность здесь не в том, чтобы объявить обяза-

тельства хорошими или плохими. Трудность - научиться отличать продолжение значимого от простого страха прекратить.

Любой, кто собирал сложную конструкцию, знает цену решений, принятых слишком рано. Если закрепить все детали до проверки, исправление одной ошибки потребует разобрать почти готовую работу. Вначале можно соединить части временно, посмотреть на устройство целиком и только потом выбрать способ окончательной фиксации. Эта разница важна и для человеческих планов. Есть решения, которым достаточно карандашной отметки. Есть такие, для которых нужна твёрдая подпись, поскольку на неё опираются другие. А есть необратимые изменения, где поспешность означает уже не потерю времени на переделку, а последствия, которые нельзя исправить полностью. Человеческую жизнь нельзя разобрать и собрать заново как предмет на столе; именно поэтому цена ранней окончательности бывает так велика.

И всё-таки идея «не закреплять ничего» не выдерживает встречи с действительностью. Если я сохраняю только временные соединения, конструкция никогда не начнёт служить. Если не решаюсь дать слово, опасаясь будущего изменения, другой человек не сможет на меня рассчитывать. Иногда конечность жизни требует решительности раньше, чем появилась уверенность. Времени может не хватить на бесконечные проверки. Некоторые дороги открываются лишь однажды, хотя мы не знаем, будут ли они хороши для нас. Здесь невозможно вывести правило из красивой схемы. Остаётся различать риски, возможность исправления, цену ожидания и людей, которые окажутся затронуты решением.

Здесь необходима разница между причиной и оправданием. Причину можно объяснить: появились новые обстоятельства, прежнее действие стало недоступным, человек изменился. Оправдание требует другого: показать, почему при этих обстоятельствах допустимо поступить так, а не иначе, и что произошло с обязательствами перед теми, кто доверял. Не каждую причину достаточно назвать, чтобы последствия перестали существовать. Но и не всякое нарушение старого плана является моральной неудачей. Жизнь сложнее этой бухгалтерии, особенно когда в одной ситуации сталкиваются забота о другом, собственная безопасность, здоровье, прежнее слово и новые обязанности.

Есть ещё жестокая форма обещания - требовать от себя всю жизнь соответствовать образу, созданному в момент боли. После предательства человек клянётся никому не доверять. После неудачи обещает больше никогда не рисковать. После утраты решает не привязываться. В этих фразах часто есть попытка защитить себя, которую невозможно просто осмеять. Тот, кто произносит их, действительно хочет уменьшить вероятность нового страдания. Но сегодняшняя защита может однажды стать запретом на жизнь, которой он позже окажется способен желать. Не обязательно немедленно отменять такую клятву. Важно лишь понимать, что намерение, возникшее в определённой ране, не обязано быть конституцией всех будущих лет.

Обратная крайность звучит веселее: «Я всегда могу передумать». Разумеется, могу. Но возможность изменить мнение не освобождает от того, что уже было сказано и сделано. Если я обещал участвовать в общем деле, а другой вложил в него силы, мой новый интерес не превратит автоматически затраченные им месяцы в его личную проблему. Можно выйти из проекта, прекратить совместную работу, признать, что прежняя договорённость более невыносима. Только нужно увидеть границу между правом уйти и способом ухода. Свобода не требует исчезать без объяснения, когда объяснение возможно и не создаёт угрозы. Иногда наиболее зрелая форма изменения - отказаться честно, а не продолжать формально, уже покинув дело внутренне.

Но обещания существуют не только между сегодняшним и будущим собой. В них входит другой человек, который тоже меняется и не обязан навсегда оставаться удобным для моего замысла. Договорённость соединяет два самостоятельных течения жизни: её устойчивость зависит не от силы одного намерения, а от того, способен ли каждый участник видеть в другом не продолжение себя, а отдельного человека.

С человеком и его будущим может происходить похожее, хотя сравнение опять не следует принимать буквально. Сегодняшний я приносит проект, завтрашний встречает обстоятельства, которых первый не видел. По мере жизни они как будто продолжают один разговор, но собеседник не отвечает из будущего в настоящее. Это сегодняшний человек получает новые сведения, меняет решение, исправляет прежнее или обнаруживает цену его сохранения. Разговор между временами - образ преемственности, а не тайный канал связи. У меня нет доступа к словам будущего себя. Есть только возможность оставить ему что-то более полезное, чем приказ: средства, объяснимые основания, открытость к исправлению и последствия, за которые я готов отвечать сейчас.

Именно поэтому в обещании полезно различать предмет и смысл. «Я закончу эту работу к определённой дате» - одно содержание. «Я хочу довести мысль до ясности и передать её другим» - другое. Дата может оказаться ошибочной. Способ передачи может измениться. Текст может потребовать переработки. Но это не доказывает, что само стремление было ложным. А может случиться и обратное: дата соблюдена, предмет готов, а важнейшее в работе утрачено. Снаружи обещание выполнено. Внутри - нет. Нельзя решить, что здесь важнее, заранее и для всех случаев: другому человеку иногда необходим именно срок, а не моё объяснение внутренних смыслов. Однако для себя стоит хотя бы знать, что эти уровни различаются.

Есть и обратная опасность - считать ценным лишь обещание, которое мучительно. Будто чем выше цена, тем более подлинна верность. Так легко начать искать тяжесть ради доказательства себе, что решение серьёзно. Но обязательство не становится благороднее только потому, что оно разрушает человека. Иногда хорошо устроенная жизнь делает верность простой: помощь не требует героизма, работа идёт в доступном ритме, близость не проверяется ежедневным подвигом. Отсутствие страдания не обесценивает устойчивость. А невозможность выполнить прежнее из-за болезни, усталости или чужих решений не всегда означает слабость воли.

Я возвращаюсь к календарю, с которого началась эта книга. Его следующая страница уже занята словами, которые когда-то произнёс я: встреча, задача, срок, обещание. Рядом стоят слова других: назначенное время, просьба, совместный план. Мы привыкли видеть в этой клетчатой бумаге порядок будущего. Но теперь она кажется мне чем-то более сложным. Часть записей - прогнозы. Часть - надежды. Часть - обязательства, от которых зависит чужая жизнь. А часть - напоминания человеку, который через день или год прочтёт их глазами, изменёнными всем, что случится между записью и чтением. На одной странице уживаются разные степени власти и разные виды неизвестности.

Календарь собирает встречи, но не распоряжается участниками. Моя запись может быть обещанием; для другого — основанием готовить собственный день. Совместное будущее начинается там, где воображение одного наталкивается на самостоятельную волю другого и вынуждено считаться с ней.

Седьмое движение. Время другого человека

В узком коридоре двое несут большое зеркало. Оно тяжёлое, неудобное, и каждый видит лишь часть пути. Один смотрит, чтобы не задеть раму о стену. Другой следит за ступенькой, которую первому закрывает зеркало. Им недостаточно просто одновременно поднять груз. Нужно несколько раз изменить шаг, остановиться, дать друг другу возможность перестроить хватку. Одно движение, сделанное без оглядки на другого, может испортить всю работу. И есть короткое слово, которое в этой ситуации оказывается важнее самой уверенности в собственных силах: «Подожди».

Встречу назначают словами, а проживают каждый из своего положения. Общая дата ещё не гарантирует одинакового переживания, как общий путь не делает одинаковыми шаги. Согласие позволяет событию состояться, но не превращает двух участников в одно сознание. У этого различия есть практическая цена: другой вправе устать, передумать, обнаружить неизвестное мне препятствие.

Чужое время вообще не помещается внутри моего расписания. Я могу написать человеку: «Встречаемся в пять». Даже получить ответ: «Да». Но мне неизвестно, что придётся отложить ради этой встречи, какое усилие ему понадобится, легко ли ему будет добраться, с каким настроением он войдёт в помещение. Мне неизвестны и его будущие мысли об этом часе. Возможно, он запомнит слова, которые я почти не заметил. Возможно, я сочту паузу неловкой, а он впервые за день почувствует, что не обязан никого развлекать. Совпадение места и времени создаёт условие общей встречи. Оно не создаёт общего переживания автоматически.

Это различие заставляет осторожнее пользоваться словом «наш». У него удивительная ёмкость. В нём можно укрыть дружбу, работу, семью, случайно возникшее товарищество. Но им же удобно прикрыть присвоение. «Мы решили» может означать, что два человека обдумали дело и приняли совместное решение. А может означать, что один достаточно долго объяснял другому, почему иных решений быть не должно. В речи обе ситуации выглядят одинаково. На деле между ними проходит разница, от которой зависит не только исход конкретного разговора, но и то, сможет ли следующее совместное решение вообще состояться.

В философии совместного действия обсуждается вопрос, чем намеренное сотрудничество отличается от простого совпадения индивидуальных поступков. Если два прохожих независимо укрываются под одной крышей от дождя, они могут оказаться рядом, даже поддерживать друг другу дверь, но необязательно делают что-то совместно. Если те же двое договорились перенести коробки с улицы, они уже учитывают вклад другого в собственный план. Я могу не разделять всех его причин помогать и всё же действовать вместе с ним. Нам не требуется иметь одинаковую внутреннюю жизнь. Однако нужно нечто большее, чем географическая близость и одновременное движение.^[6]

В обычных отношениях это выглядит не так торжественно, как звучит. Один предлагает съездить в выходной за город. Второй соглашается, но через несколько дней понимает, что у него не осталось сил. Первый уже представлял дорогу, остановки, разговоры, ожидал именно этой поездки. Отмена задевает его, и у этой обиды есть причины. Но из того, что человек согласился прежде, не следует, что теперь его усталость перестала существовать. И из того, что он устал, не следует, что чужая подготовка стала неважной. Общее будущее приходится устраивать между двумя реальными положениями, а не между образом надёжного спутника и образом безотказного исполнителя.

Здесь легко произнести красивую фразу: настоящая близость умеет слышать. Я бы не хотел на ней останавливаться. Слышать - не значит заранее соглашаться; говорить о собственной границе - не значит распоряжаться чужим временем без последствий. После отказа может остаться разочарование. Его нельзя запретить ради правильного представления о зрелости.

Двое могут честно объясниться, учесть потраченные деньги, предложить другой день и всё равно ощущать потерю. Совместность не обязана устранять трение. Она начинается там, где трение перестаёт быть достаточным основанием считать другого неисправной частью собственного плана.

Есть странная асимметрия: я всегда ощущаю цену своей уступки изнутри, а цену чужой - чаще всего по косвенным признакам. Я знаю, сколько часов потратил на подготовку встречи, но могу не знать, чего стоило другому освободить вечер. Знаю, почему пришёл поздно, и склонен считать свои причины достаточными. Когда опаздывают ко мне, я прежде вижу потерянное время. Отсюда не следует, что нужно бесконечно сомневаться в праве чего-либо ждать. Но полезно признать: чужие причины не становятся менее действительными оттого, что мне недоступно их переживание.

Бывает и более серьёзное неравенство. Два человека могут назвать один проект «общим», хотя возможность распорядиться им у них совершенно различна. Один подписывает договор и назначает сроки. Другой выполняет незаметную работу, без которой результат не появился бы. Один может легко выйти из дела. Другому уход обойдётся потерей заработка или безопасности. На бумаге стоят два имени, но свобода их решений несимметрична. Совместность нельзя оценивать только по числу участников или количеству сказанных «мы». Иногда именно устройство последствий показывает, кто действительно мог выбирать, а кто лишь приспособливался.

Поэтому общее будущее не всегда требует одинаковой доли в каждом решении, но требует внимательности к тому, чья доля оказывается невидимой. В одной ситуации разумно доверить управление тому, кто умеет это лучше. В другой срочность не оставляет времени для долгого обсуждения. Есть отношения, в которых обязанности распределены неравномерно по взаимному согласию и без унижения. Ошибка начинается, когда временное распределение ролей превращается в представление, будто один обладает большим правом определять жизнь второго. Компетентность в определённом деле не становится правом владеть чужим будущим целиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.